

ДОН НИГРО

НАШ ДОМ И САД В
НАЧАЛЕ ВЕКА...
(РУССКАЯ ПЬЕСА)

Дон Нигро

Наш дом и сад в начале века... (Русская пьеса)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800971
Наш дом и сад в начале века... (Русская пьеса):*

Аннотация

Дон Нигро «Наш дом и сад в начале века... (Русская пьеса)/Russian play/2004». Семь актеров (4 женские и 3 мужские роли). Комедия, как «Чайка» и «Вишневый сад». 1900 г., российская глубинка, беседка в запущенном саду. Вдова, три дочери, писатель, врач, неудачник. Пронзительная чеховская пьеса. Американский драматург мог написать такую, лишь благодаря системе Станиславского, вжившись в роль. Шедевр.

Содержание

Декорация	5
Действие первое	7
1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дон Нигро

Наш дом и сад в начале века...¹ (Русская пьеса)

Действующие лица:

ИРИНА ИВАНОВНА ВОЛКОНСКАЯ – вдова, 40 лет.

НАТАША, ее старшая дочь, 22 года

КАТЯ, ее средняя дочь, 20 лет

АНЯ, ее младшая дочь, 17 лет

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ – муж НАТАШИ, 32 года

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ РАДЕЦКИЙ – врач, 33 года

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СЕМЕНОВ – писатель, 31 год

Декорация

Провинциальная Россия. 1900 г. Имение Волконских. Деревянная беседка, достаточно впечатляющая, но порядком обветшавшая. Построена в саду за особняком. Выглядит, как платформа для оркестра в сказке, и занимает центральную часть сцены. В метре или чуть больше от пола перила. Панели, соединяющие перила с полом, практически скрывают нижнюю часть интерьера беседки, но выше перил все открыто. Вдоль ограждения в беседке деревянные скамьи. Посреди беседки большой старый дубовый стол, который в летние месяцы накрывают к обеду. Широкие ступени ведут из беседки на авансцену. По обе стороны лестницы на сцене красивые, старинные скамейки со спинками. За скамейками – розы. Розы растут и вокруг беседки, окружая ее шипастым заслоном. Заметно, что розовые кусты не пострижены должным образом и нуждаются в уходе. За беседкой правее лабиринт из зеленых изгородей. Где-то они засохли, где-то разрослись. От беседки тропинка уходит влево, к особняку. В глубине сцены слева видна часть крыльца. Напротив парадного входа в беседку есть еще и черный, гораздо уже, чтобы в беседку можно было попасть из глубины сцены. Выходя из беседки, персонажи видят все еще прекрасный, пусть и требующий ухода сад, который раньше был предметом гордости умерших господина Волконского и его садовника, Фета.

Действие первое

Картины:

1. Позднее утро летнего дня.
2. Вечер того же дня.
3. Поздний вечер того же дня.

Действие второе

Картины:

4. Раннее утро следующего дня.
5. Позднее утро.
6. Вечер.

Действие первое

1

(ИРИНА сидит в беседке своего загородного имения где-то в провинциальной России. Привлекательная вдова. С ней три дочери: НАТАША, КАТЯ и АНЯ. Поют птицы).

ИРИНА. Сад превратился в джунгли. Не знаю, что с этим делать. Никогда не знала. При жизни вашего отца он был такой красивый.

АНЯ. Сад и сейчас прекрасен, мама.

ИРИНА. Как ты можешь так говорить. Он ужасен. Тут все заросло. Такое ощущение, что мы на Борнео. В лабиринте я постоянно теряюсь. Дорожки в беспорядке. Зеленая изгородь местами засохла, а где-то разрослась невероятно. Некоторые каменные скульптуры попадали, перегородили дорожки, образуя новые проходы и тупики. От всего этого голова идет кругом. Придет день, когда я заблужусь, и вы найдете меня уже мертвой.

АНЯ. Некоторые находят красоту в беспорядке.

ИРИНА. Только безумцы.

АНЯ. Николай Константинович находит сад прекрасным.

ИРИНА. Да, и он безумец.

НАТАША. Николай не безумец, мама.

ИРИНА. Он писатель. Все писатели безумны.

АНЯ. Папа был писателем. Он был безумцем?

ИРИНА. Николай Константинович совсем не из тех писателей, каким был ваш отец.

КАТЯ. Да. Он из тех, кто зарабатывает деньги.

ИРИНА Книгу вашего отца по садоводству приняли очень хорошо.

КАТЯ. Мама, продано было четыре экземпляра, и три купил доктор Радецкий.

АНЯ. Книги Николая очень хорошо продаются, а его пьесы ставят повсюду.

ИРИНА. Это лишь наглядный пример отсутствия у людей вкуса.

АНЯ. Ты прочитала хоть одну книгу Николая, мама?

ИРИНА. Нет мне нужды читать книги, чтобы знать, что в них. Для этого у меня есть газеты.

НАТАША. Катя, я не представляла себе, что тебя так интересует зарабатывание денег. Я думала, ты их презираешь.

КАТЯ. Я презираю деньги, но не то, что можно сделать, если они у тебя есть. А сделать можно много хорошего. Но у нас ничего нет. Сад – джунгли, дом разваливается. Скоро уйдет все.

АНЯ. Я думаю, дом прекрасен.

КАТЯ. Аня, у нас крысы размером с охотничью собаку. Я знаю, ты думаешь, и крысы прекрасны. Ты думаешь, все

прекрасно. Это ненормально.

АНЯ. Почему ты всегда такая угрюмая? Во всем видишь только темную сторону.

КАТЯ. Я вижу то, что есть. Нелепо смотреть на мир через розовые очки.

ИРИНА. Фет ловил крыс и готовил из них жаркое. Другие слуги их боялись.

КАТЯ. Фет умер, папа умер, денег нет, все разваливается у нас на глазах, тогда как сделать нужно так много. Крестьяне неграмотные, суеверные, большую часть времени пьяные и живут в ужасающих условиях. Нам нужна школа. Нам нужна больница.

ИРИНА. Больница у нас есть.

КАТЯ. Это психиатрическая больница. Нам нужно как-то помочь крестьянам.

ИРИНА. Многие крестьяне безумны. Иногда Игорь думает, что он – Екатерина Великая.

АНЯ. Не думает он, что он – Екатерина Великая.

ИРИНА. Скажи это его лошади.

КАТЯ. Ничего этого не случилось бы, если бы Леонид Владимирович не проиграл все свои деньги. Наташа продает ему себя, чтобы спасти имение, а потом он идет и проигрывает все деньги, и теперь никуда ей от него не деться.

НАТАША. Я никому себя не продавала.

КАТЯ. Ты вышла за человека, которого не любила, поскольку мама думала, что он при деньгах. Как еще это мож-

но назвать? Я никогда не продам себя мужчине, ни за какие деньги.

НАТАША. Сказать легко. Никому не хочет тебя покупать.

КАТЯ. Многим хочется. Мужчины находят меня привлекательной.

НАТАША. Пока у тебя закрыт рот и из него не сыплются слова.

КАТЯ. Не моя вина, что мужчины относятся с опаской к сильным, умным, имеющим свое мнение женщинам. Если они не хотят меня, тем хуже для них.

НАТАША. По крайней мере, я что-то сделала в попытке помочь. А ты только сидишь и жалуешься.

КАТЯ. Я на добровольных началах помогаю доктору Радецкому в психиатрической больнице. Учю крестьян писать и читать. И даю Коле уроки игры на скрипке.

НАТАША. И как игра на скрипке помогает ему в свиарнике?

НАТАША. Ему нравится играть на скрипке.

НАТАША. Ему нравится заглядывать тебе за вырез платья, когда ты наклоняешься к нему во время урока.

КАТЯ. Коля – одаренный музыкант.

ИРИНА. Когда он играет, полное ощущение, что режут коз.

АНЯ. Пожалуйста, перестаньте ссориться. Терпеть не могу слушать, как вы цепляетесь друг к дружке. Какая от этого польза?

ИРИНА. Может, одна из вас выйдет за Николая Константиновича? У него есть деньги.

НАТАША. Я думала, тебе не нравится Николай.

ИРИНА. Мне не нравится и твой муж, но речь не об этом. Мы сможем убедить его влюбиться в Катю, если она хоть пять минут не будет говорить о крестьянах. Не кажется он мне умным.

АНЯ. Мама, Николай Константинович гений.

ИРИНА. Чушь. Если он гений, тогда что он здесь делает?

АНЯ. А где ему, по-твоему, быть, мама?

ИРИНА. Ну, не знаю. В Москве, Петербурге, Париже, там, где есть люди.

АНЯ. Люди есть и здесь, мама. Мы люди.

ИРИНА. Я говорю про настоящих людей. Культурных людей. Здесь у нас вся культура – сын крестьянина-сви́паса, который играет на скрипке так, словно душит гусей.

АНЯ. Великие писатели часто едут в деревню за вдохновением.

ИРИНА. Да какое вдохновение он здесь может найти? Когда и кто здесь вдохновлялся?

АНЯ. Папа вдохновлялся.

ИРИНА. Твой папа был хорошим человеком, милая, но по части писательства вдохновения в нем было, как в фонарном столбе. *(Смотрится в зеркальце)*. Сколько у меня морщин. Когда-то я была красавицей.

АНЯ. Ты по-прежнему прекрасна, мама.

ИРИНА. Да, но я сводила мужчин с ума когда была моложе. Они бегали за мной, как за сукой в течку. Спектакль был отвратительный, но душу, тем не менее, радовало.

АНЯ. Но ты любила только нашего отца.

ИРИНА. Если на то пошло, Аня, в твоём возрасте я была отчаянно влюблена в одного солдата, пока не узнала, что он спит с моей кузиной, да ещё с пятью шлюхами от Владивостока до Москвы. Поэтому я быстренько вышла за вашего отца. А теперь он умер, сад зарос сорняками, я теряюсь в лабиринте, а лицо у меня, как карта Голландии со всеми ее каналами.

АНЯ. Твое лицо по-прежнему прелестно, мама. Все мужчины в тебя влюблены. Они постоянно говорят мне об этом.

ИРИНА. Мужчины скажут, что угодно. Никогда нельзя обращать внимания на их слова. Поверь мне, в этом секрет долгой и счастливой жизни: не слушай, что говорят тебе мужчины. Просто улыбайся и кивай, а потом уходи и поступи, как считаешь нужным.

НАТАША. Так ты вела себя с папой?

ИРИНА. Все это уже много лет не имеет никакого значения. В нашей беседке голуби.

АНЯ. Я люблю голубей.

ИРИНА. Она везде гадят. Едва ли не хуже крыс. Но не такие ужасные, как мужчины.

АНЯ. Я очень люблю мужчин, мама.

ИРИНА. Только потому, что ты еще никого не знаешь до-

статочно хорошо. А узнав получше, придешь в ужас.

ГРИГОРЬЕВ (*голос слышится справа, когда он выходит из лабиринта с Радецким и Николаем*). Дамы! Посмотрите, кто прятался в кустах. Достопочтенный доктор и великий писатель. Может, если поискать более тщательно, в этих зарослях удастся найти Ивана Грозного и жену Пушкина.

ИРИНА. Так вы нас подслушивали, прячась за крыжовником?

РАДЕЦКИЙ. Мы хотели пройти коротким путем, через лабиринт, и заплутали. И да, подслушали скандальные сравнения достоинств голубей, крыс и мужчин. Я подумал, что к голубям вы крайне несправедливы.

ИРИНА. Аня защищала голубей. Молоденькая дурочка. Еще чуть-чуть, и она найдет красоту в тараканах.

АНЯ. В мире насекомых так много красоты...

ИРИНА. Да, да, но никому не хочется слушать девушку, разглагольствующую о тараканах. Так что просто закрой рот и радуй глаз, как Наташа.

КАТЯ. Мама, не говори так. Ты ее оскорбляешь.

НАТАША. Она оскорбляет Аню, предлагая быть такой же, как я?

КАТЯ. Она оскорбляет ее, потому что хочет, чтобы она была пустоголовым декоративным украшением, вроде горгульи.

ИРИНА. Не хочу я, чтобы Аня была горгульей. Горгульи уродливы. Аня – красотка или может ей быть, если чуть по-

старается. Я просто не хочу, чтобы она осталась старой де-
вой, используя мозг больше, чем это абсолютно необходимо.

КАТЯ. Это ты на меня намекаешь?

ИРИНА. Не кипятись. Ты еще не старая дева. Просто не
жалеешь сил, чтобы распугать всех мужчин, которые обра-
щают на тебя внимание.

РАДЕЦКИЙ. Кате достаточно захотеть, чтобы любой
мужчина был у ее ног.

ИРИНА. Но она, похоже, никого не хочет. И что мне де-
лать с такой дочерью?

КАТЯ. Я бы не возражала, чтобы у меня появился муж-
чина, не будь они все полными идиотами.

РАДЕЦКИЙ. Почему, произнося эти слова, она смотрела
на меня?

ГРИГОРЬЕВ. Это не про вас, доктор. Конечно, она вела
речь про мужа своей сестры, внутренне говоря себе: «Госпо-
ди, нет, я такого себе не хочу. Ни в коем разе».

НАТАША. Леонид, пожалуйста, ты говоришь слишком
много глупостей. Действительно отобьешь у моих сестер
охоту выходить замуж.

ГРИГОРЬЕВ. Боюсь, не могу я не говорить глупостей.
Мой отец говорил глупости. Его отец говорил глупости. Моя
мать была глупой. И у меня в присутствии красивых женщин
голова отключается. Это благословение и проклятье, посто-
янно жить в компании четырех красавиц, и все они думают,
что я – идиот.

ИРИНА. Ваша жена не думает, что вы – идиот, так, Наташа?

НАТАША. Пойду посмотрю, что у нас с обедом, а не то кухарка вновь отравит нас всех. Ольга становится слабоумной, и одному Богу известно, что она может положить в суп.

ГРИГОРЬЕВ. Ты же не хочешь, дорогая, чтобы кто-то скормил мне яд?

НАТАША. Нет, я предпочту сделать это сама. (*Уходит в дом*).

ГРИГОРЬЕВ. Видите, что она от меня без ума? Моя жена считает меня идиотом и хочет отравить. Но она такая красивая, и я могу только обожать ее. Пойду за ней, терпеть не могу с ней расставаться, вот и бегаю следом целыми днями, как щенок. Знаю, что этим еще сильнее разжигаю ее ненависть ко мне, но ничего не могу с собой поделать. Когда она выходит из комнаты, мое существование теряет смысл. Мир умирает. Возможно, мне действительно следует отравиться самому.

ИРИНА. Крысиный яд на полке в кладовой.

ГРИГОРЬЕВ. Превосходно. Дамы, надеюсь, вы меня извините. Должен посмотреть, каким я буду выглядеть дураком, целуя жену на глазах слуг. Молитесь за спасение моей души. (*Уходит в дом*).

ИРИНА. Он действительно идиот.

АНЯ. У Леонида Владимировича доброе сердце.

ИРИНА. И очень пустая голова. Мне бы хотелось, чтобы

ему досталась хотя бы половина ума доктора Радецкого.

РАДЕЦКИЙ. Я всего лишь врач. Я ничего не знаю. Это мой друг Николай – гений. Я в курсе, потому что он сам мне это сказал.

АНЯ. Это правда. Пьесы его великолепны.

ИРИНА. Так ли много нужно знать, чтобы написать пьесу? Люди входят и выходят. Говорят друг другу глупости, которые должны восприниматься чем-то умным. Кто-то влюбляется. Все несчастны. В конце кто-то стреляется. Это может написать любой недоумок.

НИКОЛАЙ. Полагаю, именно поэтому у меня так хорошо получается.

ИРИНА. Я не собираюсь принижать вашу профессию. Кто-то должен писать пьесы, иначе все актеры останутся без работы, а я сомневаюсь, что они знают, как делать что-то полезное.

КАТЯ. По существу в написании пьес нет ничего глупого, мама. Значение имеет другое: какие пьесы пишет человек. Только потому, что пьесы Николая пустые и бессмысленные, нельзя утверждать, что они все такие.

АНЯ. Его пьесы не пустые. Они удивительные. Ну почему в этой семье все должны быть глупыми, грубыми или безумными?

РАДЕЦКИЙ. Мы русские. Какой у нас выбор?

КАТЯ. Выборов много. Просто мы должны делать правильные.

РАДЕЦКИЙ. Что ж, я сделал правильный. Решил всю жизнь провести в этом доме, раздражая здешних красавиц.

ИРИНА. Здесь вам всегда рады, доктор. Вы это знаете. Без вас нам было бы невыносимо скучно.

КАТЯ. Это с ним здесь невыносимо скучно.

РАДЕЦКИЙ. Может, мне постараться и вызвать больший интерес. Чем вас поразвлечь? Спеть оперную арию? Встать на голову? Раздеться догола?

НИКОЛАЙ. Может, все и сразу?

КАТЯ. Вы можете помочь собрать деньги на школу.

ИРИНА. Школа, школа. Почему ты всегда говоришь о школе. Что хорошего в школе? Какая польза крестьянину от образования? Свинье скрипка не нужна.

РАДЕЦКИЙ. Кстати о скрипке. Стоя на упавшем каменном сатире в лабиринте, я увидел этого бедолагу Колю, выглядывающего из окна музыкальной комнаты, в ожидании, как я могу предположить, скрипичного урока.

КАТЯ. Боже мой! Я думала, урок завтра.

РАДЕЦКИЙ. Вы всегда думаете про завтра, а оно не приходит. Увы, здесь только вчера.

ИРИНА. Как бы то ни было, Катя, пойди и избавься от этого никудышного мальчишки до того, как он вновь украдет что-нибудь из столового серебра моей матери. Оставлять его одного все равно, что запустить в дом мартышку.

КАТЯ. Я дам ему урок игры на скрипке.

ИРИНА в таком случае я пойду погулять в зеленый ла-

биринт. От игры этого мальчишки птицы замертво падают с неба. Доктор, почему бы вам не составить мне компанию?

РАДЕЦКИЙ. Я надеялся, Катя сможет дать мне несколько музыкальных уроков.

КАТЯ. Я могу дать вам несколько уроков. Но не музыкальных. (*Уходит в дом*).

ИРИНА. Вам бы перестать бегать за моей дочерью, доктор, и поухаживать за мной. По крайней мере, шанс поймать меня, пусть и ничтожный, у вас есть.

РАДЕЦКИЙ. Но если я вас поймаю, что мне с вами делать?

ИРИНА (*берет РАДЕЦКОГО под руку*). Мы что-нибудь придумаем. Аня, надеюсь, ты сможешь занять Николая, пока мы с доктором погуляем по лабиринту?

АНЯ. Я постараюсь, мама.

ИРИНА. И вот что я вам скажу, господин Гениальный писатель. Я приглядываю за вами. Хочу видеть вас образцом добропорядочности в общении с моей младшей дочкой. Она – наивная маленькая глупышка, которая не отрывается от книг и поэтому думает, что знает гораздо больше, чем знает на самом деле.

АНЯ. Мама...

ИРИНА. Как будто в книгах можно вычитать что-то такое, что действительно важно в жизни.

НИКОЛАЙ. Заверяю вас, Ирина Ивановна, что мое уважение и восхищение вашими дочерьми, как и вами, безмер-

но.

ИРИНА. Да, где-то я уже слышала эту песню. Пойдемте, доктор. Если будете хорошо себя вести, я позволю вам взглянуть на мою колеоптру. Я не ошиблась с термином? Это выюн, который оплел наши зеленые изгороди.

АНЯ. Мама, колеоптра – это семейство жуков.

ИРИНА. Да. Что ж, и мы такие же. Жесткие снаружи – мягкие внутри. Или наоборот? Я уже ничего не знаю. (*Уходя с РАДЕЦКИМ*). Доктор, если вы положите руку на мой зад, я закричу. Во всяком случае, в один прекрасный момент. (*Они уходят*).

АНЯ. Прошу извинить мою маму. Она – хорошая женщина, но всегда говорит все, что приходит в голову. Она не хотела показаться грубой или невоспитанной.

НИКОЛАЙ. Да, говорит. Именно это мне в ней нравится.

АНЯ. Я надеюсь, вам нравится жизнь в деревне.

НИКОЛАЙ. Да. Очень.

АНЯ. Должно быть, вам скучно в такой глуши.

НИКОЛАЙ. Отнюдь. Мне здесь нравится. И ваша семья так добра ко мне.

АНЯ. Вообще-то, мне очень хотелось оказаться с вами наедине.

НИКОЛАЙ. Правда? А ваша мама знает?

АНЯ. С тем, чтобы поговорить с вами. О писательстве.

НИКОЛАЙ. Чем меньше говорить о писательстве, тем лучше.

АНЯ. Для вас, возможно, но не для меня. После смерти папы мне не с кем об этом поговорить, а папа не так много об этом знал, да благословит Господь Его душу. Гораздо больше его интересовал сад. Катя много читает, но, по большей части, занудные политические и экономические трактаты. Меня это совершенно не интересует. Я люблю беллетристику, искусство, театр, и здесь чувствую себя такой одинокой, что иной раз думаю, а не схожу ли с ума. Это действительно приводит в исступление, когда ты чем-то увлечена, а поговорить тебе об этом не с кем. Но вы, наверное, заняты.

НИКОЛАЙ. Нет. Я не занят. Чего нет, того нет. Что вас интересует?

АНЯ. Мне очень хочется понять, каково это, быть великим писателем.

НИКОЛАЙ. Об этом вам надо спросить у Толстого.

АНЯ. Но вы – великий писатель. Все так говорят.

НИКОЛАЙ. Что ж, раз все так говорят, значит, так оно и есть.

АНЯ. Каково это, посвятить всю жизнь писательству? Я хочу знать все.

НИКОЛАЙ. Прежде всего, нужны чернила. Чернила – это очень важно. Бумага тоже важна. Разумеется, если нет чернил и бумаги, можно писать кровью на стене. Но кто-то всегда приходит, чтобы смыть написанное. Этих людей мы называем критиками.

АНЯ. Вы чувствуете себя одержимым, когда пишете.

НИКОЛАЙ. Обычно, страдающим от тяжелого похмелья.

АНЯ. Вы не воспринимаете мои вопросы серьезно.

НИКОЛАЙ. Не обижайтесь. Я ничего не воспринимаю серьезно. Это часть моего обаяния.

АНЯ. Мне очень хочется писать.

НИКОЛАЙ. Что ж, у многих получилось.

АНЯ. Но я действительно очень хочу писать.

НИКОЛАЙ. Одолжить вам чернил?

АНЯ. Нет, чернил у меня предостаточно.

НИКОЛАЙ. Это хорошо, потому что у меня они практически закончились. Но у меня есть кровь. Думаю, что есть. Подождите. Позвольте перерезать горло.

АНЯ. Вы надо мной смеетесь.

НИКОЛАЙ. Я смеюсь надо всеми.

АНЯ. Так перестаньте. Это не часть вашего обаяния. Это грубо, это высокомерно, и выставляет вас слабаком.

НИКОЛАЙ. Но я слабак.

АНЯ. Не думаю я, что вы слабак. Я думаю, вы просто очень несчастны.

НИКОЛАЙ. Все несчастны.

АНЯ. Но не все писатели. Я хочу писать. Я хочу написать великие пьесы, как Шекспир, и великие стихи, как Пушкин, и великие романы, как Достоевский, но я не знаю, с чего начать.

НИКОЛАЙ. Начните с середины и закончите до того, как вам станет скучно. Нет. Слишком поздно для этого. Извини-

те.

АНЯ. Мне не скучно. Меня раздражает, что вы не воспринимаете меня серьезно, как личность. Мне так хочется понять, что к чему. Я думаю, что умру, если не смогу писать. Но при этом, когда я начинаю писать и смотрю на написанное, мне это кажется настолько глупым, что меня охватывает стыд, и я не могу продолжать.

НИКОЛАЙ. Мой секрет в том, что стыд мне неведом.

АНЯ. Для меня это не шутка. Это вопрос жизни и смерти. Он мучает меня изо дня в день. Неужели вы не можете хоть на минуту перестать казаться забавным и честно поговорить со мной о том, что вы делаете?

НИКОЛАЙ. Я скажу вам, что есть театр. Это люди, которые, как и вы, всегда что-то хотят, и пытаются заполучить то, что хотят, и терпят неудачу, и страдают. Это касается актеров и справедливо по отношению к персонажам, которых они играют. Или они получают, что хотят, а потом страдают, обнаружив, что они таки не хотят уже полученного. Они думали, что им это нужно, и ошиблись. Или они получают, что хотели, а потом теряют, и страдают еще сильнее. В трагедии мы отождествляем себя с людьми, которые страдают, хотя большая часть удовольствия обусловлена счастьем от осознания, что они – не мы. В комедии, с другой стороны, мы стоим в стороне и фыркаем на них, и кашляем, и эту смесь фыркания и кашля мы называем смехом, и говорим себе, что это хорошо, но на самом деле как раз нехорошо. Страда-

ние – это нехорошо, тут Достоевский не прав, но и смех – тоже нехорошо, потому что смех жесток, а жестокость – точно нехорошо, поскольку, по большому счету, скучна, как и все остальное. В итоге все бессмыслица. Абсолютная глупость и бессмыслица. Если вы хотите писать – прекрасно, пишите. Будете вы писать или нет, ни в малейшей степени ничего не изменит ни для меня, ни для кого-то еще на этой земле. Всем глубоко наплевать на написанное кем-то другим. Никто не сможет удержать вас от писательства, если вы действительно не можете не писать. Но если вы думаете, что писательство сделает вас счастливой, вы дура. А если вы думаете, что написанное вами осчастливит кого-то еще, вы безумны.

АНЯ. Но писательство делает меня счастливой. Шекспир делает меня счастливой.

НИКОЛАЙ. Шекспир? Да кого может осчастливить Шекспир? Люди переодеваются в костюмы других людей, а потом не узнают друг друга. Какими глупцами должны быть эти люди? Или все они близорукие? Если бы кто-то надевал очки, половина его пьес заканчивалась бы в первом акте. Люди душат друг друга и отрубают руки. Ну, право же. Не театр, а кладбище. Какое-то время это может привлекать, но скоро становится ясно, что это чушь, как и все остальное. Все писательство – чушь.

АНЯ. Писательство – не чушь. Писательство – это жизнь, радость и надежда.

НИКОЛАЙ. Даже жизнь, радость и надежда на самом де-

ле не жизнь, радость и надежда. Они – смерть, страдания и отчаяние, какими их видит идиот. Ну вот, я чуть ли не цитирую Шекспира. Верный признак того, что в голове у меня никогда не было оригинальных мыслей. Обычно я лучше это скрываю, но я не сплю многие недели, а когда удается задремать, мне тут же снятся жуткие кошмары о супе из бычьих глаз, и суп этот смотрит на меня. Идеальный образ русского искусства: бычьи глаза, таращащиеся из супа. Или я иду по лугу с густой, сладко пахнувшей травой, и нахожу скелет лошади, совершенно выбеленный, и вижу вдали мельницу с вращающимися лопастями, и внезапно осознаю: Бог идет, чтобы убить меня. Я чувствую Его в ветре. Такова участь писателя. Есть суп, который смотрит на тебя, и ждать в чистом поле, пока Бог подойдет и убьет тебя. *(Пауза)*. Я вас разочаровал.

АНЯ. Нет.

НИКОЛАЙ. Да, разочаровал. Что ж, если хотите стать писательницей, привыкайте. *(Пауза. Он смотрит на нее)*. Послушайте. На самом деле вы не хотите писать. Вы только думаете, что хотите. Писательство может привести лишь к страданиям.

АНЯ. Вероятно, да.

НИКОЛАЙ. Я вас расстроил. Вы плачете.

АНЯ. Все хорошо. Я иногда плачу. Это ничего. Я слишком эмоциональная. Всегда была. Я пытаюсь быть более отстраненной и рассудительной, как Катя, но не могу. Навер-

ное, это плохо для писателя, принимать все близко к сердцу.

НИКОЛАЙ. Я прилагаю максимум усилий, чтобы заставить женщин плакать в театре, но по-настоящему успешен в этом только в реальной жизни.

АНЯ. Я плачу и когда счастлива. Просто во мне так много всего, что я не знаю, как это уместить. Летом я сижу в этой беседке с книгой, слушаю шум дождя и переполнена счастьем, надеждами и страхом. Я хочу побывать везде, увидеть и переделать все, но потом думаю – нет, на самом деле я этого не хочу. В действительности я хочу оставаться здесь, дома, до конца моих дней, в этом месте, которое я так отчаянно люблю, где чувствую себя в полной безопасности, в саду моего отца, свернуться клубочком в объятьях моего мужа, который хороший человек и любит меня, заботится о наших детях, учит их читать, с кем они чувствуют себя счастливыми и любимыми, и читать все, и писать каждый день моей жизни, даже если никто не прочтет ни строчки и ничего не поймет. Это ужасно быть молодым. Ты не знаешь, чего хочешь, и хочешь все. Но, самое главное, я хочу писать, чтобы вы мне ни говорили, Николай, и как бы ни пытались отсоветовать. Вы меня научите, Николай? Научите меня писать хорошо? Я так этого хочу. Я действительно думаю, что умру, если у меня не получится.

НИКОЛАЙ. Прежде всего, вы должны понимать, что все писатели – свиньи. Достоевский был свиньей. Гоголь – психопатической свиньей. Мы все – свиньи.

АНЯ. Писатели – не свиньи. Толстой – не свинья.

НИКОЛАЙ. Да. Толстой – не свинья. В молодости был свиньей. А теперь просто дурак.

АНЯ. Толстой не дурак.

НИКОЛАЙ. Он думает, что «Король Лир» – плохая пьеса. И Достоевский был ужасным человеком. Эгоистичным. Тщеславным. Неуравновешенным. Злобным. Нетерпимым.

АНЯ. Он был величайшим писателем.

НИКОЛАЙ. Этого вы хотите? Чтобы когда вы состаритесь, люди говорили о вас: она была величайшей писательницей, хотя и отвратительной, нетерпимой, злобной свиньей?

АНЯ. Да что с вами такое? Я открываю вам душу, а вы остаетесь таким же ужасным. Почему вы так ужасны со мной? Так ли обязательно представлять все мелким, грязным и уродливым? Совершенно понятно, что ничего вы не испытываете ко мне, кроме презрения. Я ухожу и оставляю вас одного. *(Собирается уйти)*.

НИКОЛАЙ *(хватает за руку и останавливает)*. Нет. Подождите. Пожалуйста. Извините. Пожалуй. Не уходите. Не плачьте. Нет. Извините. *(Он обнимает АНЮ. Она плачет, даже рыдает, уткнувшись ему в грудь)*.

АНЯ. Это глупо. Я такая несчастная. Как человек может быть таким счастливым, а потом стать таким несчастным из-за нескольких слов, сказанным другим человеком? Практически незнакомым.

НИКОЛАЙ. Это моя вина. Я действительно свинья. Вы не

должны слушать меня. Это говорит мое недовольство. Вот и все. Пожалуйста, не плачьте. Дело в том, что вы – такой хороший человек, что я не знаю, как мне с вами себя вести. Я умею только играть с эгоистичными, мерзкими людьми, вот почему и пишу для театра. Ваша доброта делает меня жестоким. Какой-то моей части так стыдно за меня, что я ощущаю стремление уничтожить невинность. Пачкать ее до такой степени, чтобы она больше никогда не очистилась. Я не знаю, почему так. И говорю это не я, а персонаж, которого я играю в какой-то пьесе, недалекий и злобный. Я совсем не такой. Не знаю, какой я, но не такой. Определенно не такой. Я очень, очень извиняюсь. Пожалуйста, простите меня. Пожалуйста, пожалуйста, простите меня.

(НИКОЛАЙ целует АНЮ. Поцелуй долгий и нежный. Появляется РАДЕЦКИЙ. Видит их. Останавливается).

РАДЕЦКИЙ. Что здесь, черт побери, происходит? Что ты с ней делаешь?

НИКОЛАЙ. А вот это, Аня, то самое, о чем я вам говорил, идеальный пример самой плохой пьесы. В ней, как только люди начинают целоваться, тут же появляется какой-то болван, выскакивает, как птичка из часов. Всеми силами старайтесь избежать такого, как в ваших произведениях, так и в жизни.

АНЯ. Михаил Петрович, просто... я была такой несчастной, и Николай утешал меня.

РАДЕЦКИЙ. Так он утешает? Засасывает все лицо в рот?

АНЯ. Он не засасывал мое лицо в рот. Это был очень нежный, ласковый поцелуй. Как брата.

РАДЕЦКИЙ. Если брат так вас целует, он отправится в ад.

АНЯ. У меня нет брата.

РАДЕЦКИЙ. И это хорошо, раз вы не чувствуете разницы. Николай, постыдись!

НИКОЛАЙ. Да. Стыжусь. Я позволил себе десять секунд счастья. О чем я думал?

АНЯ. Мне нужно помочь Наташе. Где мама? Она не с вами?

РАДЕЦКИЙ. Это было не просто, но, в конце концов, мне удалось ускользнуть от нее в лабиринте. Если мне повезет, она не сумеет выбраться оттуда до моего ухода.

АНЯ. Она всегда там теряется. Ориентироваться совершенно не умеет.

РАДЕЦКИЙ. Я уверен, что ее привычка пить с самого утра тоже сбивает с пути.

НИКОЛАЙ. Может, послать кого на поиски?

АНЯ. Нет, все будет хорошо. Мне даже больше нравится, когда ее здесь нет. Премного вам благодарна за урок по писательству, Николай Константинович. Чувствую, что сегодня я узнала от вас так много полезного.

НИКОЛАЙ. Такие семинары мне очень нравятся.

(АНЯ выходит из беседки, но идет не в ту сторону, к лабиринту. Резко поворачивается и идет назад).

АНЯ. Кухня там.

(Направляется к дому, густо покраснев).

РАДЕЦКИЙ. И что, по-твоему, ты вытворяешь с этим ребенком? Совсем рехнулся?

НИКОЛАЙ. Конечно, рехнулся. Я не знаю, что делаю. Теперь моя голова пылает огнем. Если бы я сумел хоть на мгновение успокоить свой разум, смог бы думать, но успокоить не получается, вот и думать я не могу.

РАДЕЦКИЙ. Ты думаешь все время. Ты слишком много думаешь.

НИКОЛАЙ. Я думаю, но не могу сосредоточиться. Мой мозг словно клетка с кроликами. И они в ней прыгают. Раз я не могу сосредоточиться, то не могу писать, а если я не буду писать, сойду с ума. С тем же успехом я могу вышибить себе мозги.

РАДЕЦКИЙ. Не так много у тебя их и осталось. Большую часть серого вещества ты залил водкой, как и я. Будь у тебя мозги, тебя бы здесь не было. Что ты вообще здесь делаешь?

НИКОЛАЙ. Ты меня пригласил.

РАДЕЦКИЙ. Только потому, что и представить себе не мог, что ты действительно приедешь. И ты приехал не для того, чтобы повидаться со мной. Ты приехал повидаться с женой другого мужчины. А теперь я нахожу тебя в саду, целующимся с ее сестрой.

НИКОЛАЙ. Ты, как никто можешь понять, что я чувствую. Когда-то ты сам любил Наташу, так?

РАДЕЦКИЙ. Да, но, слава Богу, я это пережил. Теперь

люблю ее сестру. Не младшую. Ту, которая пугает.

НИКОЛАЙ. Значит, у тебя тоже нет мозгов.

РАДЕЦКИЙ. Я знаю, с Катей может быть нелегко, временами, но, по крайней мере, она не замужем.

НИКОЛАЙ. Кто бы мог подумать.

РАДЕЦКИЙ. Катя – прекрасная девушка.

НИКОЛАЙ. Радецкий, она тебя ненавидит.

РАДЕЦКИЙ. Конечно, она меня ненавидит. Все женщины меня ненавидят. И знаешь, почему? Потому что я их люблю. Если бы ненавидел, они бы набрасывались на меня, как это происходит с тобой. Поэтому я их люблю.

НИКОЛАЙ. Ты не просто любишь. Ты женщин обожаешь.

РАДЕЦКИЙ. Совершенно верно. Я – круглый дурак. Сначала я без памяти влюбился в Наташу. Она такая красивая. Думал, что сойду с ума, если она не станет моей. И полагаю, она могла бы меня полюбить, если бы ее чуть к этому подтолкнули. Но потом она позволила матери убедить ее выйти за этого Григорьева. Она надеялась, что его деньги спасут их драгоценное имение. В отчаянии я начал вести долгие разговоры с Катей о строительстве больницы для крестьян. Не потому, что я филантроп. Просто сделав шаг к Кате, я на шаг удалялся от Наташи. Но при этом чувствовал какую-то незримую связь с ней. Постепенно я все больше увлекался Катей. Мы встречались каждый день, когда она приходила в психиатрическую больницу, чтобы помогать мне. Она так страстно говорила со мной, ее лицо находилось в каких-то

сантиметрах от моего. Откуда я мог знать, что она невероятно близорука, но из тщеславия не хочет носить очки? И пахло от нее так хорошо. Однажды я пытаюсь ее поцеловать, но она закатывает такой скандал, будто я показал ей рисунок собственного пениса. Ее реакция... Это было что-то страшное. Так что в последнее время я начал флиртовать с Аней, чтобы разжечь ревность Кати, и к чему это приводит? Я выхожу из кустов и вижу, что ты засосал чуть ли не всю ее голову. А самое нелепое, я думаю, и да поможет мне Бог, что я начинаю влюбляться в Аню. Но Аня, разумеется, влюблена в тебя. Тебе на самом деле она не нужна, потому что ты влюблен в Наташу, которую я больше не люблю. Мой вывод – все мужчины паразиты, и их должно убить. К счастью для меня, я – врач, а потому есть у меня прекрасные возможности внести свою лепту в это благородное дело.

НИКОЛАЙ. У всех жизнь – такой бардак?²

РАДЕЦКИЙ. В России, судя по всему, да.

НИКОЛАЙ. Что ж, я такой же дурак, как и ты. Приехал сюда, чтобы попытаться увести Наташу от мужа, но теперь она даже не разговаривает со мной, вот я и дошел до того, что соблазняю на поцелуй ее юную сестру и даю ей жуткие советы по писательству. Мне надо выпить.

РАДЕЦКИЙ. Ты уже выпил слишком много, а нас еще не звали к обеду.

² На английском фраза: «Is everybody's life this sort of mess?» Надо бы перевести «У всех жизнь – такая жопа». На усмотрение театра.

НИКОЛАЙ. Я всегда начинаю пить до обеда.

РАДЕЦКИЙ. Ты уже ведешь себя отвратительно. А если выпьешь еще на пустой желудок, того гляди кого-нибудь застрелишь.

НИКОЛАЙ. Никого я не хочу застрелить. Нет, это ложь. Я бы с удовольствием застрелил мать Наташи. Хорошо бы застрелить и ее мужа, но он мне нравится.

РАДЕЦКИЙ. Он идиот.

НИКОЛАЙ. Да. Именно это мне в нем и нравится.

(К ним подходит НАТАША).

НАТАША. Обед готов. Куда все подевались?

РАДЕЦКИЙ. Николай довел Аню до слез. Катя учит свиней играть на скрипке. А я потерял вашу мать в лабиринте.

НАТАША. Так найдите ее. Вы знаете, самой ей не выбраться.

РАДЕЦКИЙ. На это я и рассчитываю.

НАТАША. Доктор, пожалуйста. Не можем мы оставить маму в лабиринте. Если она будет бродить там целый день, ее хватит солнечный удар.

РАДЕЦКИЙ. Ладно. Но без нее так хорошо. К вашей маме питаешь самые теплые чувства, при условии, что нет необходимости находиться в ее компании. Но, полагаю, не можем мы бросить ее в лабиринте. *(Обращается к НИКОЛАЮ, уже направляясь к лабиринту).* Если я не вернусь через час, вызывай казаков. *(Уходит).*

НАТАША *(встречается с НИКОЛАЕМ взглядом, потом*

отводит глаза). Прошу за стол, если есть на то ваше желание. *(Направляется к дому)*.

НИКОЛАЙ. Наташа, подождите.

НАТАША. Мне надо приглядеть за слугами. Они суют в суп грязные пальцы.

НИКОЛАЙ. Мне без разницы, чьи пальцы побывают в супе. Если, конечно, они не будут в нем плавать. Хотя мне и это без разницы. Все равно суп я не люблю. Я хочу знать, почему вы продолжаете избегать меня?

НАТАША. Я вас не избегаю. Просто занята.

НИКОЛАЙ. Вы избегаете меня с того момента, как я появился здесь.

НАТАША. Вы знаете, почему я вас избегаю.

НИКОЛАЙ. Я приехал, чтобы повидаться с вами.

НАТАША. Вы приехали, чтобы повидаться с вашим добрым другом. Доктором Радецким.

НИКОЛАЙ. Мне требовался предлог. Или вы думаете, что Радецкий хоть чем-то мне интересен?

НАТАША. Я должна идти. Обед готов.

НИКОЛАЙ *(заступает ей путь)*. Пожалуйста, не убегайте, уделите мне минутку. Вы сводите меня с ума.

НАТАША. Это невозможно. Не могу я разговаривать с вами. Мой муж нас увидит.

НИКОЛАЙ. Ваш муж – болван.

НАТАША. Он не болван.

НИКОЛАЙ. В Ялте вы сказали мне, что он – болван.

НАТАША. В Ялте я была одинока и несчастна и наговорила много такого, чего говорить не следовало. Но теперь я дома, и вы больше не должны говорить со мной подобным образом.

НИКОЛАЙ. Вы уже забыли, что было у нас в Ялте?

НАТАША. Нет, не забыла. Я ничего не забываю. Поэтому все так сложно. Но это невозможно. Вы понимаете? Это...

ГРИГОРЬЕВ (*выходя из дома*). Николай Константинович, вы идете?

НИКОЛАЙ. Я? Куда?

ГРИГОРЬЕВ. Я думал, вы пойдете со мной на рыбалку.

НАТАША. Нельзя сейчас идти на рыбалку. Обед готов.

ГРИГОРЬЕВ. В этом месте обед – лучшее время для рыбалки. Вы еще не пробовали суп? Вкус такой, будто Ольга мыла в нем ноги.

НИКОЛАЙ. Я как раз говорил вашей жене, что сегодня мне нездоровится.

ГРИГОРЬЕВ. Пойдемте на рыбалку со мной и Радецким, и вам сразу станет лучше.

НИКОЛАЙ. Если честно, рыбалку я не люблю.

ГРИГОРЬЕВ. Это неважно. Никто не любит рыбалку. Я сам думаю, что рыбалка – занятие глупое.

НИКОЛАЙ. Тогда почему вы рыбачите?

ГРИГОРЬЕВ. Почему человек что-то делает? Почему человек женится? Наташа, почему человек женится?

НАТАША. Я не знаю.

ГРИГОРЬЕВ. Вот видите. Даже моя жена не знает, а женщины знают все. Во всяком случае, Волконские знают. Мне это известно, потому что они постоянно говорят мне об этом.

НАТАША. Ты начал пить с утра?

ГРИГОРЬЕВ. Нет. Я не начинал пить с утра. Я просто пил всю ночь. А пить я начал в тысяча восемьсот девяносто седьмом году.

НАТАША. Леонид Владимирович, мне стыдно быть вашей женой. (*Уходит в дом*).

ГРИГОРЬЕВ. Действительно. И разве я могу ее за это винить? Она – очаровательная женщина, тогда как я выгляжу, как барсук. Николай, вы согласны, что моя жена – очаровательная женщина?

НИКОЛАЙ. Да. Согласен.

ГРИГОРЬЕВ. Вы, наверное, задаетесь вопросом, почему такая красавица вышла за такого урода, как я. Ответ, конечно, в деньгах. У меня были какие-то деньги, когда мы поженились. Не много, гораздо меньше, чем она думала, но были. Ее отец как раз умер, они боялись потерять имение, вот ее мать буквально заставила Наташу выйти за меня ради моих денег. Я знал, что она меня не любит, но не собирался ставить ей это в укор. Действительно, какая женщина в здравом уме могла меня полюбить? И я знал, что они заблуждаются по части моего богатства. Но мне было все равно. Я хотел ее так сильно, я был отчаянно, по уши влюблен в нее, поэтому сделал бы что угодно, лишь бы она стала моей. Солгал бы,

совершил любое преступление, убил бы, если б пришлось, лишь бы заполучить ее. Вы когда-нибудь любили женщину так сильно, чтобы пойти ради нее на убийство?

НИКОЛАЙ. Да. Только раз.

ГРИГОРЬЕВ. Тогда вы знаете, что я чувствовал. Мои иллюзии рухнули в наш медовый месяц. Наверное, я лелеял идиотскую надежду, что она каким-то образом сумеет полюбить меня. Но такое случается только в книгах и пьесах. В жизни ты или любишь, или нет. Вы – писатель. Вы знаете, что это правда, так?

НИКОЛАЙ. Да.

ГРИГОРЬЕВ. Когда в нашу брачную ночь я увидел отвращение в ее глазах, мне стало понятно, что она никогда меня не полюбит, ни мои слова, ни дела не заставят ее любить меня. И однако остановиться не мог. Я ужасный человек. Признаю. Мы собирались провести оставшуюся часть медового месяца в Ялте. Вы бывали в Ялте?

НИКОЛАЙ. Да. Бывал.

ГРИГОРЬЕВ. После нашей катастрофической брачной ночи Наташа заболела. Оставалась в своей комнате. Не вставала с постели. Не ела. Я опасался, что причинил ей серьезный вред. В панике послал за Радецким. И он сказал мне, да, Наташа тяжело больна. Что-то с легкими. И волнения, вызванные свадьбой, подорвали ее здоровье. Чтобы поправить его, ей нужно ехать в Ялту, немедленно, а я не должен ни волновать ее, ни огорчать. Я бы поехал с ней, несмотря ни

на что, служил бы, как верный пес, но моя мать умудрилась попасть на улице под колеса кареты, а потом долго цеплялась за жизнь, и мои кредиторы воспользовались этой возможностью, чтобы наброситься на меня стаей стервятников. Поездку вдвоем я оплатить не мог, Радецкий настаивал, что она умрет, если не поедет, поэтому я собрал все оставшиеся деньги и отправил ее в Ялту, а сам остался здесь и похоронил свою мать, которая последние недели перед кончиной несла вздор, тараторя, как попугай. Клянусь, я не придушил ее подушкой, хотя, Бог свидетель, грезил об этом, а потом начал напиваться до беспамятства. Когда деньги для оплаты ялтинских счетов закончились, Наташа вернулась ко мне. Ей определенно стало лучше, но при этом и хуже, она приехала такой нервной, такой странной, и с того момента я не решаюсь прикоснуться к ней. Женщины посланы на землю, чтобы сводить нас с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.